Книжная рецензия
УДК 130.2
https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-4-20-200-205

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ «АПОФАТИЧЕСКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЗАМЕТКИ *НЕ*ФИЛОЛОГА»

Андреас Буллер

Социальное министерство земли Баден-Вюртемберг, Штутгарт, Германия
andreas.buller@gmail.com

Дударева М.А. Апофатическое литературоведение. Заметки нефилолога. — Москва : Меринос, 2021. — 120 с.

Благодарности: Материал подготовлен за счёт средств гранта Российского научного фонда, проект № 19-18-00421 «Проблема исторической ответственности: этико-нормативные основания, дискурсивные практики и медиа-репрезентации».

Созидательная роль литературы проявляет себя в её способности воздействовать на людей через литературные образы и сюжеты, разнообразие которых не имеет границ. Именно это разнообразие отражает книга Марианны Дударевой «Апофатическое литературоведение. Заметки нефилолога», в которой исследуются произведения различных русских писателей и поэтов: Б. Зайцева, А. Грина, С. Есенина, А. Платонова, В. Короленко и В. Дударева. Каждый из них, надо сказать, имеет свой неповторимый стиль, свою манеру писать, одним словом, свой «литературный почерк». Тем не менее всех этих, очень различных по своему стилю, писателей и поэтов объединяет, как считает автор книги, один общий момент — апофатический подход к действительности. Я должен вначале сказать здесь несколько слов о понятии «апофатика» (др.-греч. ἀποφατικός, — «отрицательный»), хотя, поправлюсь, речь здесь идёт не только о понятии, но и методе, который вначале утвердился в богословии. Апофатический метод позволил теологии путём мысленного удаления (отрицания) не присущих Богу качеств приблизиться к пониманию

© Буллер А., 2021

его сущности. Отсюда и выражение «негативная теология». В основе негативной теологии лежит убеждение, что познание Бога возможно лишь путём отрицания не присущих Ему качеств. За эту идею позже ухватилась философия, которая осознала, что апофатический метод открывает доступ к познанию не только божественного, но и недосягаемого, таинственного, скрытого от наших глаз, употребляя термин С.Л. Франка, «непостижимого». Своё применение этот метод нашёл и в апофатическом литературоведении. Тем, кто пожелает узнать больше об особенностях литературной апофатики, я посоветую обратиться к диссертационной работе М. Дударевой[1]. Я же в своей рецензии поставлю акцент на проблему взаимодействие литературы и философии, дополнив анализ Дударевой своими рассуждениями на тему смерти[2].

Жизнь как борьба

В своей книге М. Дударева анализирует два взаимосвязанных рассказа, авторы которых, скорее, и не подозревали о том, что их рассказы взаимосвязаны. Речь идёт о рассказе Б. Зайцева «Авдотья-смерть» и произведении А. Грина «Борьба со смертью». Оба рассказа отражают в литературной форме ключевую идею философии о том, что жизнь и смерть неразрывно связаны друг с другом. И это действительно так, ибо независимо от того, говорим мы о жизни или смерти, мы всегда имеем в виду «существование», «присутствие» или «здесь-бытие». Философскую проблему здесь-бытия литература анализирует в присущей ей яркой, живописной и конкретно-реалистичной форме. Литература внимательно всматривается в жизнь, изображая её такой, «какая она есть». Но как только литература начинает анализировать жизненную реальность во всевозможных формах её проявления и описывать её в достоверной конкретике, она немедленно выходит на ключевую проблему человека, каковой является проблема борьбы за жизнь. Надо сказать, что проблему борьбы за жизнь исследует также философия. Достаточно здесь назвать известного немецкого мыслителя А. Шопенгауэра, философия которого базируется на идее ничем не ограниченной «воли к жизни». Здесь исследовательские интересы литературы и философии, несомненно, пересекаются. Однако литература описывает борьбу за жизнь на своём богатом, ярком, многозвучном и колоритном языке, каковым философия, к сожалению, не обладает. Зато философия обладает уникальной способностью обнаруживать и обосновывать скрывающиеся за повседневной конкретикой жизни универсальные принципы. Между литературным и философским методами изображения действительности имеются, таким образом, как языковые, так и методологические различия. Но некоторым гениальным мыслителям, как например Достоевскому, Ницше или Сартру удалось эти различия успешно преодолеть, ибо в их трудах литература и философия образовали собой единое и неразделимое целое. Тесную связь литературы с философией мы обнаружим также в анализируемых М. Дударевой рассказах Б. Зайцева и А. Грина. Именно это я и попытаюсь здесь показать и доказать.

Читая рассказ Б. Зайцева «Авдотья-смерть», философ немедленно заметит, что автор этого рассказа в литературной форме описывает тот же самый феномен, который в своей книге «Смерть» позже изложил французский философ Владимир Янкелевич. В своей книге Янкелевич указывает на тот факт, что смерть в начале приближается к нам «через других», вызывая таким образом необъяснимую тревогу и страх. Поэтому реально смерть существует не для меня, а для других. Для моего «Я» её быть не может, потому что моё «Я» исчезает одновременно с приходом

[1] Дударева М.А. Апофатика русской словесной культуры конца Нового времени: образы смерти. : диссертация ... доктора культурологии : 24.00.01. — Иваново, 2021. — 407 с.

[2] Здесь исследовательские интересы Марианны Дударевой совпадают с моими интересами, ибо также у меня вышла большая работа на тему смерти [Буллер, 2019].

смерти, приходит к выводу В. Янкелевич. Эти рассуждения философа нашли своё конкретное подтверждение в рассказе Б. Зайцева «Авдотья-смерть», в котором тот описывает жизнь нищей семьи в сельской послереволюционной России. Главой этой маленькой семьи является Авдотья, чей «мужской голос» громко звучит на протяжении всего рассказа. К семье Авдотьи принадлежат также её старая мать («бабка») и её сын («Мишка»). Жизнь этой маленькой семьи была наполнена нищетой, голодом, холодом и повседневным насилием, виновником которого были вовсе не посторонние люди, а сама Авдотья: «Мишку Авдотья трепала за уши, а бабку била кулаком, иногда палкой, прямо по лицу. Бабка стонала — по старости громко кричать не могла. На другой день лицо её покрывалось зелёными пятнами». Бабку Авдотья била за то, что она только и делает, что «жгрёт с утра до вечера». Авдотья молила Бога: «О, Господи, да убери ты их от меня, окаянных праликов!» И Господь услышал её. Первой, кого он освободил от этой безысходной жизни, была бабка, вслед за которой умер и Мишка. Смерть сына «Авдотья не сразу сообразила. Холодная струя ворвалась за ней, она не успела захлопнуть двери, остановилась, смотрела бессмысленно на остренький носик Мишки, на бледную Лизу с глазами во влажном блеске, и вдруг вопль, хриплый, глухой, поразил смрадный воздух как стояла, рухнула Авдотья с палкой своей, с котомкой, к холодным ручонкам сына. — Сокол ты мой ясный, орёл золотой, дитя ненаглядное...» — причитала Авдотья, не замечая того, что смерть «через других» постепенно приближалась к ней. Вскоре и Авдотья оказалась в её крепких родственных объятиях, вырваться из которых не суждено никому.

Смерть давно уже поселилась в неуютном и холодном доме Авдотьи. Она была невидимым «четвёртым членом» этой несчастной семьи, жизнь которой угасла по её вине. И теперь смерть осталась одна в этом лишённом жизни доме. Но смерть не выносит одиночества. Она нуждается в жизни и находится в постоянном поиске своих новых жертв. Именно эти поиски привели её в дом смертельно больного Лорха — главного персонажа рассказа А. Грина «Борьба со смертью». Врач даёт Лорху не больше двух дней жизни. Родственники Лорха ждут с нетерпением его смерти, чтобы заполучить оставшееся от него наследство. И он это прекрасно осознаёт. После разговора с племянником Лорх впадает в сон. Мы не знаем, какие сновидения он увидел, но мы фиксируем их мощное влияние на дальнейший ход событий, ибо Лорх просыпается совершенно другим, готовым на борьбу со смертью, человеком. «*Решив продолжать жить,* он тщательно привел мысли в порядок и понял, что самое главное, — побороть слабость. Лорх резко поднялся. Голова закружилась. Он стал, сидя, раскачиваться; затем, взяв с ночного столика нож, ударил себя им в бедро…» Приложив неимоверные усилия Лорху удалось победить смерть. После этого он опять впал в сон... Что интересно, в мифологии и философии сны, как правило, символизируют собой переходное состояние от жизни к смерти, но в рассказе Грина сон, наоборот, становится переходным состоянием от смерти к жизни. Дударева по праву указывает на то, что у Грина сон «воспринимается не как пограничное болезненное состояние, а как необходимое условие для выздоровления больного и прорыва *от тьмы к свету* [Дударева, 2021: 46].

Я коротко описал здесь сюжеты двух очень разных рассказов, в одном из которых мы наблюдаем безусловный триумф смерти («Авдотья-смерть»), а в другом — несомненную победу жизни («Борьба со смертью»). Каждый из этих рассказов описывает лишь одну сторону человеческой «борьбы за жизнь», но вместе авторам этих рассказов удаётся изобразить эту борьбу как событие с различным исходом. Там, где имеется возможность другого исхода, там, несомненно, присутствует свобода. Этой свободой смог воспользоваться Лорх, но не смогла воспользоваться Авдотья. Если рассматривать эти два рассказа в одной взаимосвязи, то начинаешь понимать, что фатального исхода в борьбе со смертью у человека нет и быть не может. Этот исход может быть финальным, но не фатальным. Я хотел бы, однако, обратить внимание читателя не только на содержание, но и цве-

товую форму этих рассказов. Если бы две эти истории нужно было бы изобразить в цвете, то двух красок — чёрной и белой — нам для этого было бы недостаточно, ибо рассказы Б. Зайцева и А. Грина наполнены самыми различными цветовыми тонами и полутонами. Литература — это «художник», который использует не краски, а слова.

Настроение цвета

В своей книге М. Дударева затронула и такую сложную проблематику как тема цвета в литературе, упомянув при этом Гёте, который в 1810 году опубликовал свою известную работу «К теории цвета» («Zur Farbenlehre»). Результаты своих исследований Гёте оценивал даже выше, чем успех всего своего литературного творчества. Теория цвета Гёте базируется на противопоставлении света и тьмы, переходными ступенями к которым для него стали жёлтый и синий цвет. Именно эти два цвета, по его мнению, являются «пограничными», ибо они символизируют переход к свету (жёлтый цвет) и ко тьме (синий цвет). Однако по-настоящему контрастными цветами являются всё-таки чёрный и белый цвет, которые как жизнь и смерть вовсе не исключают, а, наоборот, логично дополняют друг друга. В русской словесной культуре цветовое «со-противопоставление жизни и смерти» нашло своё воплощение «в образе чёрного солнца», считает Дударева [Дударева, 2021: 50]. В этой связи она цитирует Р. Штайнера, заметившего, что «именно черным штрихом, чёрной поверхностью вы одухотворяете белое» [Дударева, 2021: 53]. Но если бы литература существовала только в мире «чёрно-белых штрихов», она перестала бы быть литературой! Поэтому в созданном литературе мире господствуют не контрасты, а наполненные человеческими эмоциями и чувствами тона и полутона. Именно в такой мир цветовых тонов и полутонов погружает человека Б. Зайцев. Его персонажи чувствуют «свинцовистый воздух», видят «мутно-белый снег», воспринимают запахи и слышат звуки, которые «тают в беспредельных, серо-синеватых тонах». Над персонажами его рассказов нависают «хмурые небеса», их окружают «полупотёмки» с «мглисто-сизоватым налётом уходящей ночи», а к душе подкрадывается нечто «тёмное, мрачно-сладострастное» («Мгла»). Сладострастное у Б. Зайцева обозначается тёмными тонами. Только в литературе чувства смогли приобрести свои цветовые тона и полутона, только в ней они смогли стать «цвето-чувствами». Поэтому мы говорим и о гамме цветов, и о гамме чувств, которых в литературе безбрежное море. В литературе человек может кричать срывающимся голосом или говорить шёпотом, оплакивать и страдать, причитать и радоваться, сетовать и надеяться, одним словом, жить следуя не только принципам разума, но и своим чувствам, которые имеют бесконечное количество цветовых оттенков. Философии остаётся в этом случае только с изумлением наблюдать эту эмоциональную игру человеческих цвето-чувств, понять и объяснить которую она с позиции разума не в состоянии.

И последнее на что я хотел бы указать. Книга Марианны Дударевой пронизана «русским духом». Этим духом пронизана, однако, не только её работа, но и поэма её так рано ушедшего мужа Валерия Дударева «Петушки — Кохма, далее нигде». Если «русский дух» действительно существует, то существует он только в литературе. И пока русская литература будет жить, её дух будет витать над Кохмой и страной — родиной ушедших, живущих и будущих поколений, которых навечно соединила и объединила родная речь.

Book review

REVIEW OF *APOPHATIC LITERARY CRITICISM. NOTES OF A* NON-*PHILOLOGIST*

Andreas Buller

Ministry of Social Affairs Baden-Württemberg, Stuttgart, Germany
andreas.buller@gmail.com

Dudareva, M.A. (2021) *Apofaticheskoye literaturovedeniye. Zametki nefilologa [Apophatic Literary Criticism. Notes of a Non-philologist]*. Moscow: Merinos. Publ.

Abstract. *Apophatic Literary Criticism. Notes of a Non-philologist'* by Marianna Dudareva demonstrates Russian spirit and reflects the immense variety of characters and plots that influence people and manifest the creative power of literature. The author introduces a number of writers, from Sergei Yesenin to Vladimir Korolenko, with unique literary styles and a common *apophatic* approach to reality. The term *apophatic* comes from the Greek word *to deny* and initially referred to religious studies where it served both as a concept and a method. Apophatic theology attempted to approach God by negations rather than affirmations of what God is. M. Dudareva's work showcases how literature studies instrumentalize the apophatic method of philosophy. This review complements the study with a reflection on the topic of death and its inextricable connection with life. Literature speaks of life and dwells on the struggle for life, that is also key to philosophical thinking. Enough to mention Arthur Schopenhauer and his idea of the *will to live*. In contrast to philosophy, literature uses a vivid, colorful, and copious language, while philosophy is concerned with universal principles. Some distinguished authors managed to bridge this gap. For instance, Dostoevsky, Nietzsche, and Sartre created works of both literary and philosophical nature. The same can be traced in the short stories by B. Zaytsev and A. Grin, analyzed in the book. B. Zaytsev writes about death approaching us first *through others,* this idea is also found in V. Jankélévitch's work *Death*. Death is never ours for it is always we *or* our death, but when we see it around it causes anxiety and fear. In *Avdot'ya-smert'* (*Avdot'ya-Death*) the main character says a prayer to be relieved of her mother and son, whom she considers a burden. Once death enters their home it never stops, it gets closer, and at the end of the story it takes Avdot'ya too. In Grin's *Fighting Death,* death struck Lorkh falls asleep and herein dreaming is not a harbinger of the darkness of eternal sleep. On the contrary, Lorkh wakes up willful and hopeful, he fights for his life and succeeds. These stories vibrantly illustrate the victory of life over death and death over life as the result of exercising one's free will. Color in literature is another topic touched upon by the author. M. Dudareva refers to Goethe's *Zur Farbenlehre* to speak about contrasts, and R. Steiner to underline the importance of black in creating an image where color range matches the emotional range.

Acknowledgements: The material was prepared with the funding of a grant from the Russian Science Foundation, project No. 19-18-00421 "The problem of historical responsibility: ethical and regulatory foundations, discursive practices and media representations".

Информация об авторах

Буллер А. Тема смерти в философии, истории и литературе. — Санкт-Петербург: Алетейя, 2019. — 187 с.

Дударева М.А. Апофатическое литературоведение. Заметки нефилолога. — Москва : Меринос, 2021. — 120 с.

References:

Buller, A. (2019) *Tema smerti v filosofii, istorii i literature [The Topic of Death in Philosophy, History and Literature].* Saint Peterburg: Aleteya. — 120 p. (In Russian).

Dudareva, M. A. (2021) *Apofaticheskoye literaturovedeniye. Zametki nefilologa [Apophatic Literary Criticism. Notes of a Non-philologist].* Moscow: Merinos. Publ. — 120 p. (In Russian).

Информация об авторе

Андреас Буллер — доктор философских наук, референт Социального министерства земли Баден-Вюртемберг, Штутгарт (Германия)

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Andreas Buller — Doctor of Philosophy, Referent at Ministry of Social Affairs Baden-Württemberg, Stuttgart (Germany)

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.